

◆ Валерий Введенский ◆

Валерий Введенский



**Убийца
из прошлого**



Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Введенский, Валерий Владимирович.

В24 Убийца из прошлого / Валерий Введенский. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Исторический детективъ Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-04-202009-4

Осень 1870 года. Прочитав главу из романа «Убийца из прошлого», Александра Ильинична Тарусова неожиданно узнает, что описанное в ней преступление — убийство извозопромышленника и его любовницы — произошло на самом деле. Но когда? До выхода газеты или после? Откуда автор романа Андрей Гуравицкий знает столько подробностей? Ведь даже следователь выяснил их далеко не сразу. Виновен ли задержанный полицией Иван Стрижнев или, как утверждает в романе, улики против него подкинул настоящий убийца? Если так, то тогда, согласно новой науке оптографии, его изображение должно отпечататься в глазах жертвы. И Александра Ильинична решает в них заглянуть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202009-4

© Введенский В.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Памяти моего друга
Андрея Логинова*

У отца три сына было...
Старший говорит:
«В вицмундире очень мило,
И я буду сыт».

Вот второй промолвил смело:
«Я же — на коня!
Бить врагов — святое дело!
Отпусти меня!»

«Ну а ты, — спросил родитель
Третьего, — куда?» —
«Мир велик! Я — сочинитель.
Вот моя звезда!»

Старший служит, есть уж дети,
Сам солидным стал;
Генерал — второй, а третий...
Без вести пропал.

В. И. Богданов ♦, 1870 год

♦ Владимир Иванович Богданов (1837–1886) — автор песни «Дубинушка».

ГЛАВА 1,
В КОТОРОЙ ПЕРВУЮ ГЛАВУ
ЧИТАЕТ РАЗРУЛЯЕВ

*Четверг, 26 ноября 1870 года,
Санкт-Петербург*

Ксения Алексеевна и Сергей Осипович избегали друг друга. Встречались лишь на утренней воскресной службе и по четвергам за завтраком. Во все остальные дни Ксения с сыном (мальчика назвала Лешенькой в честь ее покойного отца) уходили на прогулку задолго до пробуждения Сергея Осиповича. А вставал Разруляев теперь поздно — вскакивать ни свет ни заря причин у него больше не было. Да и светает в Петербурге, куда по настоянию Ксении переехали после свадьбы, гораздо позже, чем в Новгородской, особенно зимой.

Пробудившись от солнечных бликов, Сергей Осипович надел халат, сунул ноги в тапочки и направился в столовую выпить кофе. Увидев за столом супругу (как раз случился четверг), дежурно буркнул: «Добрый день». Ксения Алексеевна, провормотав в ответ «Здравствуйте», сразу поднялась.

— Уже насытились? — без всякого интереса, лишь бы прервать тягостное молчание, так раз-

дражавшее в собственном доме, спросил Сергей Осипович.

— Да, мне пора, — ответила жена.

— Опять нищим помогать?

По четвергам Ксения посещала заседания благотворительного общества. Какого именно — Разруляев не знал и знать не хотел. Зачем? Чем бы дитя ни тешилось... Хотя увлечение супруги влетало ему в копеечку: только лишь собирать средства казалось Ксении Алексеевне недостаточным, считала обязанной вносить свою лепту.

— Надо же чем-то заниматься, — пожала плечами супруга. — Сегодня собираем на нужды Воспитательного дома.

Сергей Осипович скривился, но что поделать — достал бумажник. Средствами был обязан супруге, потому никогда в них ей не отказывал. Протянул красненькую и два полтинника на извозчика. Все-таки мороз.

— Не надо. Пешком пройдуся. Полезно для здоровья, — отвергла серебро Ксения Алексеевна.

— А Лешенька где? Гуляет? — уточнил Сергей Осипович опять же для поддержания разговора.

— Да вы же знаете, он, словно пташка, встает всегда рано. Они с Феклой давно уже в парке. Хорошего дня, — пожелала супруга и удалилась.

Плотно позавтракав, Сергей Осипович отправился в кабинет разбирать почту. Сперва прочел письмо от Шелагурова, в котором, как Разруляев и ожидал, шурин увернулся от прямого ответа,

однако пообещал вскоре приехать и вот тогда все решить.

Неожиданно раздался мелодичный звон, Сергей Осипович с непривычки вздрогнул. А потом понял, что это звенит новомодный механический колокольчик, который им недавно подарил Шелагуров.

Сергей Осипович немного подождал — не откроет ли Лушка. Но, видимо, и ее дома не было, на рынок ушла или в лавку, пришлось плестись в коридор.

— Кто там? — спросил он через дверь.

— Рассыльный. Пакет для господина Разруляева.

Сергей Осипович расписался, сунул «шапке»♦ гривенник и вернулся в кабинет. Ножом для бумаг вскрыл полученный пакет, с недоумением вытащил из него газету, какой-то неведомый «Глас Петербурга», сегодняшней номер. И, не читая, скомкал. Решил, что издатель рассылает для привлечения новых подписчиков.

Но что это? Заголовок одной из колонок был отчеркнут чернилами. Сергей Осипович бережно расправил газету, нацепил пенсне... О боже!

«УБИЙЦА ИЗЪ ПРОШЛАГО».

Хроники петербургской сыскной полициі

за 2016 годъ

Фантастическій романъ

господина Андрея Гуравицкого

♦ Так называли посыльных.

«Лишь только Солнце покинуло небосводъ, надъ столицей вспыхнуло другое свѣтило, электрическое. Циклопическихъ размѣровъ башня, на которой оно крѣпилось, была выстроена почти столѣтіе назадъ на Пулковскихъ высотахъ, изъ-за чего обсерваторію, издавна тамъ обитавшую, перенесли за 140 верстъ въ Лугу, гдѣ свѣтъ искусственной звѣзды не мѣшалъ астрономическимъ наблюденьямъ»♦.

Неужели Гуравицкий рискнул вернуться? Но зачем?

Разруляев подошел к книжному шкафу, где за томиком Гоголя прятал бутылку, налил в стакан на полпальца коньяка и с жадностью выпил, дабы успокоить нервы и избавиться от дрожания в членах. Вернувшись к столу, схватил газету и принялся читать:

«Начальник сысской полиции Кобылин выглянул в окно. Убедившись, что на Большой Морской включили иллюминацию, засобирался домой. Дела его на службе не держали. Честно говоря, их и не было. И не было давно. За прошедшие с судебных реформ сто пятьдесят лет Образование и Просвещение искоренили преступность почти полностью. Зачем воровать, если можно заработать честным трудом?

♦ Далее для удобства читателей текст романа будет приводиться в современной орфографии.

Тщательно расчесав пушистые бакенбарды и остатки некогда пышных волос, Кобылин запер кабинет и спустился с четвертого этажа по лестнице вниз (после того как лифт в здании переделали из парового в электрический, он пользоваться им перестал — знал, что сила тока в двигателе достигает смертельных для человека величин, и опасался жуткой смерти).

Дмитрий Иванович не одобрял прогресс. С ужасом узнал недавно, что в Англии тамошние инженеры пытаются уменьшить электрический чудодвигатель, чтобы заменить им лошадей в экипажах. Если такое случится, Кобылину придется выйти в отставку, ведь в самодвижущихся экипажах ездить он не станет ни за какие коврижки.

Дойдя до станции «Адмиралтейская», начальник сыскной спустился по лестнице под землю и принялся ждать машину. Прибытию ее на дебаркадер предшествовали клубы дыма от парового котла, силой которого она двигалась.

Подземка тоже вызывала у Дмитрия Ивановича отвращение, но трястись в санях до Парголово пришлось бы часа три, не меньше: количество жителей в столице в двадцать первом веке перевалило за три миллиона, улицы были запружены экипажами, в конке стало не протолкнуться.

На станции Парголово Кобылин поднялся на поверхность, прикинул, не взять ли извозчика, но решил последнюю версту пройти пешком, чтобы размять затекшие от дневного сидения ноги.

Состоятельные люди теперь селились в предместьях, где их взору и нюху не мешал фабричный дым. Уютные двухэтажные домишки с непременными палисадниками имели все немислимые удобства, как то: канализацию, водопровод, ванну и даже паровое отопление. Продукты из ближайших деревень привозились наисвежайшие, а благодаря подземке главы семейств и учащиеся могли каждый день ездить туда-обратно в город.

Чинно пройдясь по гранитной мостовой, Дмитрий Иванович свернул в проулок к своему дому, но, услышав знакомый шум, остановился и задрал голову вверх. Управляемый воздушный шар. Не по его ли душу? И тотчас убедился в правоте предположения: шар, подлетев к его домику, завис прямо над ним. По веревочной лестнице оттуда стал спускаться полицейский надзиратель Алтуфьев.

Кобылин поспешил к нему.

— Ваше высокородие, — взял под козырек подчиненный, когда оказался на твердой земле. — Убийство.

— Бог мой! — воскликнул Кобылин.

За пять лет, что он руководил сыскным, считай, первое.

— Где? Кто?

— В Купчино, какой-то процентщик.

Управляемый воздушный шар — самое быстрое средство передвижения. И очень дорогое, только богачам да государственным учреждениям доступное. Небольшой паровой котел позволяет шару

«идти» и в отсутствие ветра, и даже когда тот не попутный. Перекрестившись (он до смерти боялся на нем летать), Кобылин поднялся в корзину, поприветствовал следственную команду: фотографа, врача-эксперта, делопроизводителя — и отдал приказ капитану судна править в Купчино. Ветер благоприятствовал, потому через каких-то сорок минут приземлились у десятиэтажного доходного дома, подвал которого занимала лавка процентщика.

Труп был найден по чистой случайности. Экономный домовладелец, проходя мимо запертой на ночь лавки, заметил в окнах свет и, опасаясь пожара, вызвал околоточного. Дверь вскрыли: в подсобном помещении у огромного несгораемого сейфа обнаружили мертвое тело.

Коронат Сакердонович Перепетуя, так звали убитого, происходил из крестьян и большую часть жизни трудился на земле. Однако пять лет назад скоропостижно скончался его дядя-процентщик, и лавка нежданно-негаданно досталась ему. Роста покойный Перепетуя был среднего, строение тела имел жилистое, глаза его, не успевшие смежиться после неожиданного удара сзади, показались Кобылину в свете свечи серыми, хотя могли быть и голубыми, левую, повернутую к сыщикам щеку покойника украшала крупная бородавка.

— Убит округлым, вероятнее всего, металлическим предметом, — вынес заключение доктор.

— Лом? — уточнил Кобылин.

— Или ломик, — изрек эксперт.

— В чем разница?

— Ломик маленький, в рукаве шинели легко спрятать.

Сейф вскрыт не был, из многочисленных витрин разбита всего одна.

Кобылин подошел к конторке, подергал ящики: заперты. Приказал надзирателю Алтуфьеву обыскать покойника. Связка нашлась в левом кармане панталон.

— Никак от сейфа? — удивился Алтуфьев, указывая начальнику на самый большой с многочисленными «зубками» разной длины и толщины ключ. — Откроем?

Предложение подчиненного Кобылин счел дельным. Раз заклады в витринах, считай, не тронуты, значит, преступник на сейф нацеливался. Если, конечно, ограбление замышлял, а не убийство. Однако в сейфе нашлось все, что должно было быть согласно описи. Ни дорогие сережки с бриллиантами, ни кольцо с индийским рубином преступника не заинтересовали.

Убийство из ревности или мести? Или наследник устал ждать, пока Перепетуя преставится?

Нет, выводы делать рано, сперва надо сверить остальные заклады. Вдруг из разбитой витрины что-то пропало?

Кобылин вернулся к конторке, перебрал связку, подобрал ключ к ящикам. В правом на самом верху обнаружил роман позабытого писателя Достоевского «Преступление и наказание». Сыщик при-

помнил, что сей автор в юности слыл либералом, даже на каторгу за убеждения угодил. Но потом переметнулся в другой лагерь и свой талант, так ценимый Белинским, профукал, воспевая реакцию».

У Сергея Осиповича сжались кулаки. Да как Гуравицкий посмел написать подобное об обожаемом Федоре Михайловиче?

Он не знал, что автор нарочно написал гадость про Достоевского, чтобы его разозлить.

«Судя по конторским книгам, в разбитой витрине хранились самые грошовые заклады. Что сие значит? А то, решил Кобылин, что их украли, дабы запутать следствие.

— «Преступление и наказание»? — удивился судебный врач, заметив пухлый томик на конторке.

— Наверное, тоже заклад, — предположил Кобылин. — Книга-то старинная, девятнадцатого века.

— Очень это странно.

— Что именно?

— Разве не читали? Если отбросить философствования и сократить натуралистические описания, вполне себе криминальный роман: некий студент убивает старуху-процентщицу, дабы вернуть копеечный заклад.

— Процентщицу?

— Вот именно. Боюсь, книга тут неспроста. Наверное, покойник, — врач указала на прикрытого

простыней Перепетуя, — о чем-то догадывался и оставил нам подсказку.

— Или убийца, — сам себе сказал Кобылин.

Он приказал кликнуть домовладельца. Когда тот явился, расспросил о лицах, чьи заклады были украдены из разбитой витрины, зачитав их имена по учетной книге. Все они домовладельцу были знакомы, каждого охарактеризовал положительно. Лишь один, студент Петр Кукелев, удостоился нелицеприятных слов:

— Погибший человек. Спился от несчастной любви. А какой был умница, на одни пятерки учился. Потому рука не подымается его выселить. Чего-то жду, на что-то надеюсь... Но позвольте, что Кукелев мог заложить? Пропил буквально все.

— Крестик нательный.

— Бог мой. Как же Коронат Сакердонович посмел в заклад его принять? Хотя понимаю, отлично его понимаю... Мы тут все свои, рано или поздно Перепетуя крестик Петеньке вернул бы. А вот если разозленный его отказом Кукелев пошел бы к другому процентщику, крестик сгинул бы.

— В какой квартире ваш Петенька живет?

— В каморке на чердаке.

Поднялись туда. За фанерной дверью слышали беспокойный пьяный храп. Как ни стучали, разбудить Кукелева не удалось, пришлось вышибать дверь.

В тесной каморке воняло немытым телом, перегаром и гнилым репчатым луком — единственно

доступной пьянице едой. Рядом с грязным матрасом валялся окровавленный ломик, вокруг которого на полу были раскиданы исчезнувшие заклады. Не выкупленный у Перепетуи крестик украшал шею убийцы.

Шатающегося студента вывели под руку и посадили в тюремную карету, которую Кобылин вызвал срочным телеграфом.

Когда Кукелева увезли, стоявший на другой стороне широкого Дунайского проспекта человек в черном ватерпруфе зловеще усмехнулся и прошептал:

— Первый враг мертв. Но пусть за это пока посидит другой, порочный, потерявший человеческий облик алкоголик. А меня ждет враг номер два».

Под текстом, в скобках чернела угрожающая надпись: «Продолжение следует».

На Разруляева нахлынули воспоминания...

ГЛАВА 2, В КОТОРОЙ ПЕРВУЮ ГЛАВУ ПЫТАЕТСЯ ПРОЧЕСТЬ ВСЛУХ ГУРАВИЦКИЙ

*Воскресенье, 14 августа 1866 года,
Новгородская губерния,
усадьба Титовка*

Инспекция винокуренного заводика не задалась с самого начала. По выезду из Титовки отлетело колесо, а когда наконец его приладили, занялся

дождик. В надежде переждать Разруляев приказал кучеру Дементию свернуть с шоссе в село Подоконниково. Предполагал провести в нем час, не больше, но там и заночевал, потому что дождик оказался предвестником бури — до самого утра грохотал гром, разящими клинками разрезали небесный свод молнии, ураганный ветер, словно пушинки, выкорчевывал вековые деревья, завалив в итоге лесную дорогу. Нет бы Разруляеву повернуть назад. Вместо этого Сергей Осипович нанял утром местных мужиков, чтобы ехали впереди его тарантаса и разбирали завалы.

В итоге вместо задуманного понедельника Разруляев прибыл на заводик в среду. И задержался дольше, чем рассчитывал: в учетных книгах обнаружил неточности, пришлось докапываться, злонамеренные или нет, закончил инспекцию лишь к вечеру субботы. Если возвращаться в тарантасе, он прибудет в Титовку только в воскресенье вечером. И тогда точно не успеет на званый обед в честь именин Ксении Алексеевны, на котором должны объявить об их помолвке.

Еще неделю назад Сергей Осипович и мечтать о таком счастье не смел. Судите сами: ей восемнадцать, ему сорок три, она — совладелица поместья, он — всего лишь управляющий, Ксения — красавица, Разруляев — неуклюжий толстяк, даже в молодости не вызывавший интерес у женщин. И все же он надеялся. И чудо свершилось. Перед самым

отъездом на заводик брат Ксении Александр Алексеевич неожиданно его спросил:

— Скажи честно, Ксения тебе нравится?

Разруляев смутился, ответил уклончиво:

— Кому она не нравится.

— То бишь влюблен по уши?

Сергей Осипович виновато кивнул.

— Почему с предложением тянешь?

— Кто? Я? — оторопел Разруляев.

— Ну не я же, — добродушно улыбнулся в пышные усы Шелагуров.

— А она?.. Ксения... разве примет?

Александр Алексеевич потрепал робкого управляющего по плечу:

— Примет, примет.

— Вы спрашивали?

— Сорока на хвосте принесла.

— Тогда... прямо сейчас...

— Постой, чудак, успеется. А то на радостях Ксения никуда тебя не отпустит. А дела, сам понимаешь, превыше всего. Давай-ка ты руку с сердцем предложишь по возвращении. А на именинах объявим.

Разруляев уехал из Титовки окрыленным. И если бы не гроза, давно бы вернулся и объяснился. Что же ему делать? Решился ехать верхом. Кучер Дементий пытался отговорить его от опасной затеи: дорога-то предстояла через лес, ночью. Но Разруляев от его резонов отмахнулся: будь что будет. Всю ночь от каждого шороха душа его ухо-

дила в пятки. Но волки, несмотря на полнолуние, по пути не встретились. И к восьми утра Сергей Осипович целым и невредимым добрался до Подоконникова. Позавтракав, лег вздремнуть. В полдень сотский Петр Пшенкин, в доме отца которого Разруляев остановился, его разбудил. Сергей Осипович оседлал отдохнувшего Приказа и поскакал в Титовку. Верст за пять до нее свернул в лес, чтобы нарвать ромашек: Ксения очень их любила. Коня привязывать не стал, решил — пусть травку щиплет. А зря — заслышав с шоссе знакомое ржание, Приказ рванул обратно.

— Тпру! Стоять! — закричал Сергей Осипович. Но коня и след простыл.

Пришлось нестись за ним вприпрыжку. Не приведи господи, потравит рожь. Однако, выбежав на шоссе, Разруляев с облегчением перевел дух: беглеца без него поймали и даже привязали к дереву. Рядом с ним перебирали копытами хозяйские кобылы: Незабудка, Констанция и Ласточка. Вытерев пот с лица, Сергей Осипович направился к спешившимся хозяевам. Но, подойдя ближе, понял, что обознался: молодой человек с зачесанными по последней моде назад русыми волосами, которого издали принял за Шелагурова, был ему незнаком.

Заслышав поступь Разруляева, незнакомец обернулся, смерил оценивающим взглядом и, панибратски толкнув Мэри, жену Александра Алексеевича Шелагурова, спросил: